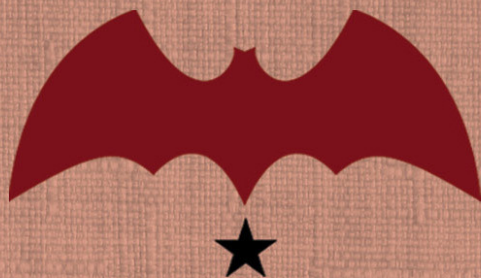

СЕРГЕЙ
САМАРОВ

СПЕЦНАЗ ГРУ

**Как две
капли крови**

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Как две капли крови

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Как две капли крови / С. В. Самаров — «Эксмо»,
2020 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-109399-0

Старший лейтенант Ибрагим Крушинин командует ротой спецназа на Северном Кавказе. Он смел и беспощаден в бою. Ядовит – как шутят сослуживцы. Не случайно за старлеем закрепился позывной Анчар. Во время очередной операции группа Крушинина попадает в засаду. Ибрагим подрывается на mine и, раненный, оказывается в плену у бандитов. Неожиданно в главаре моджахедов он узнает своего старшего брата, которого потерял в раннем детстве. Что делать – уничтожить бандитского эмира, захватить его в плен или... Времени на размышления у Анчара не остается: на помощь своему командиру уже спешат бойцы спецназа...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109399-0

© Самаров С. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Самаров

Как две капли крови

Глава 1

Анчаром его прозвали еще в детском доме. Он, тогда двенадцатилетний мальчик, попал туда после гибели в пожаре родителей, одного из двух старших братьев и сестры, которую звали Дагират. Пацана вытащил из огня брат Темирхан, который был на четыре года старше его самого. Темирхан был болен сколиозом, у него были слабые руки, и ему трудно было нести младшего брата, уже довольно тяжелого. Однако он сделал это на одном своем характере.

Отец Анчара был аварцем, мать – русской. Конечно, у мальчика было и настоящее человеческое имя – Ибрагим. Но его все забыли.

Случилось это после того, как учительница русского языка однажды сказала ему прямо на уроке:

– Ну, ты и ядовитый! Прямо как анчар.

Это произошло из-за какой-то острой фразы, которой мальчик только защитился от очередного оскорбления со стороны учительницы, считающей это естественным делом. Он предупредил ее, чтобы она не смела его обзывать, если не хочет беды для себя и своих детей.

Так его и стали называть сначала одноклассники, потом все воспитанники детского дома, учителя и даже старший брат, попавший в то же самое заведение. Но Темирхана быстро, уже через четыре месяца пребывания в тех негостеприимных стенах, усыновили какие-то люди, назвавшиеся старыми друзьями их отца, Аслана Надировича.

Позже попал в приемную семью и младший брат. После этого у него снова появилось имя, некогда привычное. В новом доме его стали звать Ибрагимом, чего давно уже никто не делал. Но отчество и фамилию новый отец дал ему свои.

Ибрагим был по натуре воином, причем совершенно неукротимым. В детском доме, где нравы были далеко не идеальные, он быстро завоевал авторитет не только среди сверстников, но и старших мальчишек. Пацан бросался на них с кулаками при всяком случае, когда возникала необходимость отстаивать свое достоинство.

Сам Ибрагим считал, что родился таким. Да и воспитание приемного отца позже сказывалось. Только к неукротимости с годами добавилась дисциплина.

Усыновил Ибрагима комбат спецназа ГРУ подполковник Владимир Васильевич Крушинин. Когда-то он был хорошо знаком с настоящим его отцом, подполковником спецназа дагестанской полиции. Крушинин собственных детей не имел. Он и его жена Людмила Витальевна, женщина, в противовес мужу, мягкая и безвольная, постоянно балующая приемного сына, приняли в своем доме Ибрагима как родного.

Однако надо сказать, что и к родному своему сыну, если бы таковой у него был, Владимир Васильевич относился бы, скорее всего, так же строго, как к Ибрагиму. Он привык держаться так с солдатами, считал их тоже в чем-то своими детьми. Приемного сына Крушинин воспитывал как солдата, что самому Ибрагиму по большому счету даже нравилось.

А потом его воспитывало уже военное училище. К неукротимости и дисциплине Ибрагима оно добавило офицерское чувство ответственности.

Служить Анчар попал тоже в спецназ военной разведки, только совсем в другую бригаду. Там никто не знал подполковника Крушинина, уже давно вышедшего на пенсию, не оказывал молодому офицеру протекции.

Конечно, став взрослым, Ибрагим пытался найти брата Темирхана, но оказалось, что семья, усыновившая его, переехала сначала в Турцию, потом вообще в Саудовскую Аравию,

где ее следы потерялись окончательно. Однако Ибрагим верил, что когда-нибудь обязательно встретится с братом.

Ибрагим Крушинин довольно быстро продвигался по служебной лестнице. Скоро, еще в звании старшего лейтенанта, он стал командовать разведротой батальона, то есть занимал капитанскую должность. Старое прозвище Анчар неизвестно каким образом дошло и до училища, а потом и до батальона спецназа. Оно сохранилось за ним, стало его официальным позывным.

– Анчар, я – Второй. Слышишь меня нормально? Все понимаешь?

Второй – это начальник штаба сводного отряда спецназа военной разведки, действующего на Северном Кавказе, майор Пороховщиков. Голос его звучал обеспокоенно, слегка торопливо. Слова четко и резко отделялись одно от другого.

– Так точно, товарищ майор! Слышу вас хорошо, понимаю все.

– Значит, дело обстоит следующим образом. Прежнюю задачу приказываю отставить. Поисковые действия – дело не самое срочное. Все это можно будет потом провести. А ты с ротой сейчас побыстрее выдвигайся в сторону третьего по счету ущелья. Там наш взвод ведет неравный бой против сразу четырех банд и несет потери. Уже погиб командир взвода лейтенант Обухов. Пуля снайпера в глаз прилетела, затылок разворотила. Подразделение возглавил заместитель командира взвода старший сержант Кондратенко. Бойцы держатся, но бандиты лезут. Без твоей помощи там все могут погибнуть. У нас теперь все вертолеты в разгоне, поддерживать парней нечем. Хорошо хоть, что твоя рота рядом оказалась.

Новая задача была поставлена в конце дня, когда командир разведроты уже присматривал место, где можно было бы остановиться на ночной отдых. В горах всегда темнеет очень быстро, и делать это обычно приходится заранее. Надо, чтобы и удобства присутствовали, пусть даже самые минимальные, и безопасность была возможность поддержать.

Командир роты должен был заблаговременно выставить посты, чтобы часовые хотя бы первой смены успели присмотреться к окружающему. Так бывает легче опознать появление чего-то необычного в поле зрения охраны, пусть и имеющей тепловизионные оптические прицелы.

Не так давно был случай, когда бандиты окружили взвод, подкравшись к нему в темноте ползком. При этом многие из этих негодяев тащили на спине и на шее, рядом с головой, натуральные тяжеленные камни в целях маскировки. Взвод тогда не сильно пострадал. Все же тревога была поднята вовремя.

Тем не менее случай этот разбирался на оперативке у командира сводного отряда. Тогда были высказаны категоричные предупреждения о необходимости принятия определенных мер безопасности при охране территории. Штаб потом эти меры разработал, а командир утвердил. Сейчас все подразделения сводного отряда их выполняли, разумеется, по мере возможности, как это всегда и бывает.

– Понял вас, товарищ майор. Однако звуков боя мы не слышим, хотя подходим уже к повороту во второе ущелье и видим вдали ворота третьего. Стрельба должна была бы доноситься. В ущельях всегда эхо гуляет сильное. Любит по ушам лупить.

– У взвода автоматы с глушителями, как и у твоей роты, – объяснил майор. – А что у бандитов – не знаю. Может быть, они обзавелись такими же. Недавно на склады Росгвардии нападали. Правда, в перечне похищенного, насколько я помню, были указаны только гранатометы и мины. От других складов их охрана отбила. Но кто знает, что у них за оружие. Банды же пришли из-за границы. Подожди, Анчар, тормозни свою роту. Мне вот тут подсказывают. Ага, сейчас передам. В третье ущелье можно проникнуть из второго через сложный перевал. У тебя же есть в роте взвод скалолазов, прошедших специальную подготовку. Зашли их бандитам в тыл.

– У меня, товарищ майор, вся рота имеет хорошую горную подготовку. Оборудование для скалолазания при нас. Но есть и особый взвод. Мы тут сориентируемся.

Надо сказать, что в любом подразделении спецназа ГРУ постоянно проводятся занятия на так называемой полосе разведчика. По сути своей, это обычная армейская полоса препятствий, только удлиненная и усиленная отдельными специальными элементами, значительно усложняющими ее прохождение. В сводном отряде в конце ее был установлен скалодром, пусть и самодельный, но превосходящий по сложности все спортивные.

Наверное, стоит сказать, что такое вот искусственное сооружение изобрел французский инженер Франсуа Савини. Оно имитирует рельеф скал, используется спортсменами для тренировок и проведения соревнований.

В армейском варианте скалодром обычно ставится в окончании полосы разведчика и содержит специальные усложненные участки, которых на простых спортивных тренажерах не имеется. Только гражданских сооружений такого рода в России насчитывается около трехсот. Армейские же ставятся чаще всего в тех подразделениях армии, которые часто бывают в командировках в горных районах страны.

В этом отношении разведроту полтора года назад повезло особо. В нее пришел служить командиром взвода мастер спорта по скалолазанию. Анчар поговорил с молодым офицером, полностью доверил тому горную подготовку взвода и нисколько не ошибся. Лейтенант сумел натаскать своих подопечных в скалолазании так, что они превосходили спортсменов.

Бойцы взвода скалолазов, например, умели точно стрелять из автомата с одной руки, зависнув с помощью второй на скале. В боевой обстановке это не могло не дать им преимущества.

Командиру разведроты пока еще не доводилось испытывать скалолазов в бою, где требовалась их специальная подготовка. Ему хотелось проверить их, самому убедиться в качественной подготовке этих парней, которые в обычной боевой повседневности показывали те же самые навыки, что и другие бойцы разведроты. Поэтому старший лейтенант Крушинин остановил роту и на некоторое время завис над своим планшетником, на который вывел карту местности. Он внимательно рассмотрел ее, но обозначения проходимого перевала не заметил.

После этого Анчар подозвал к себе командира взвода скалолазов лейтенанта Радужного, имеющего позывной Ливень, и проговорил:

– Игорь Борисович, у тебя взгляд на такие вещи заточен лучше, чем у меня. Мне майор Пороховщиков подсказал, что второе и третье ущелья связаны между собой перевалом, довольно сложным в прохождении. Однако я пока ничего подобного не вижу. Есть отдельные места, которые вроде бы чуть пониже, да и все.

Радужный, настоящий кубанский казак, подправил указательным пальцем усы и принялся искать перевал на карте в своем планшетнике.

Вскоре он замотал головой и проговорил:

– Перевала, командир, я при всем старании не нашел. Настоящего, в классическом смысле этого слова. Но места, где можно пройти, кажется, все же есть. Я три таких нашупал. Но это на карте. В реальности может оказаться, что ни одно из них непроходимо. Запроси, командир, у Пороховщикова точные координаты.

Ибрагим Владимирович кивком выразил согласие и тут же вызвал на связь начальника штаба. Делать это ему пришлось через дежурного по узлу связи.

– Второй на связи. Слушаю тебя, Анчар.

– Андрей Палыч, мне бы координаты перевала узнать поточнее. Чтобы из второго в третье ущелье пройти.

– Сейчас спрошу и сброшу тебе на планшетник, – пообещал начальник штаба и сразу отключился от разговора.

Видимо, майор Пороховщиков был сильно занят, или же, что более вероятно, у него в кабинете находились посторонние люди, при них он не желал произносить координаты вслух, чтобы никто не понял, где находится крупное подразделение сводного отряда. За сохранение режима секретности отвечал не только особист из местного ФСБ, но и начальник штаба.

Сообщение пришло через две минуты, как и было обещано, на планшетник. Ибрагим Владимирович сразу отправил его копию лейтенанту Радужному.

Тот глянул на монитор, нашел точку на карте, со своим планшетником в руках подошел к старшему лейтенанту и произнес:

– Средняя из трех точек обозначена как проходимая, но это не значит, что первая и вторая ни на что не годятся. Как зайдем, сначала первую посмотрим, потом, если не получится, вторую. Третью точку проверять, я думаю, нам время не позволит.

– Наверное, первую тоже стоит только визуально осмотреть. Этого достаточно будет. Взбираться, если возникнут сложности, наверное, не следует. Там, в ущелье, целый взвод, того и гляди, поляжет. Время терять никак нельзя.

– Может быть. Тогда и я поспешу.

– Подожди, я только распоряжение отдам, а сам с тобой, – неожиданно сам для себя вдруг решил Анчар.

В самом деле, если он не представлял себе уровень горной подготовки взвода, то как мог судить о том, справится ли тот с боевой задачей, поставленной ему? Поэтому решил сам проверить. Связь с остальной ротой будет поддерживаться постоянно. Командир всегда сможет отдать любое распоряжение. Да и заменить его есть кому. Заместитель надежный, опытный.

Плохо было только то, что Крушинин не мог знать численный состав объединенной банды, занявшей ущелье. Атаковать противника даже с тыла будет сложно, если ты не знаешь, на что он способен.

Обычно состав одной банды бывает невелик, чуть меньше взвода. А здесь их, как сообщил майор Пороховщиков, собралось для чего-то целых четыре.

Ни для кого не секрет, что банды, независимые друг от друга, обычно объединяются только для проведения каких-то крупных акций. Таких, например, как нападение на армейские склады, что эта группа уже и выполнила. После этого она не успела снова разделиться на небольшие подразделения или же планировала совершить еще что-то, однако ей помешал это сделать взвод, атаковавший банду в ущелье.

В распоряжении старшего лейтенанта Крушинина было четыре взвода. Плюс к этому еще один, который увяз в ущелье. Значит, спецназовцев должно было быть больше, нежели бандитов, или столько же. Это в худшем случае.

За подготовку своих солдат Анчар готов был ручаться. Они были очень даже боеспособны. Однако при этом он, сам наполовину аварец, хорошо знал, как дерутся местные мужчины. Ему была отлично известна неуступчивость бандитов, которые своим духом и характером частично, если не полностью, компенсируют недостаток боевой подготовки.

Командир разведывательной роты знал, что эти бандиты перешли российскую границу. Это, скорее всего, означало, что они имеют богатый опыт действий где-то в Сирии или в Ираке. Не исключено, что они воевали против армий этих стран, российских и американских вооруженных сил.

Хотя рота старшего лейтенанта тоже успела выиграть не один бой даже в нынешней командировке. Солдаты контрактной службы участвовали в нескольких таких вот поездках. Боевой опыт этих ребят мало в чем уступал тому, который успел к этому моменту накопить их командир.

Но это все, при любом раскладе, являлось только теоретическими выкладками, на которые, возможно, и не стоило тратить время. Все, как оно всегда и бывает, расставят по своим местам реальные события.

Кроме того, в бандах, пришедших в Россию с той стороны, как правило, бывает определенное количество так называемых диких гусей, то есть наемников, добровольно, ради денег воюющих на стороне ИГИЛ. Именно против них и бывает задействован спецназ военной разведки. С местными бандами, как правило, вполне успешно разбираются подразделения спецназа Росгвардии, полиции или ФСБ.

Именно эти наемники обычно представляют собой значительную силу, с которой приходится считаться. Они очень неплохо обучены, имеют солидный опыт, являются носителями мощного боевого духа, уверены в своих силах. Иначе, без этих вот качеств, бандиты просто не полезли бы на территорию России. А то, что часто говорят пропагандисты ИГИЛ о миссии истинной веры, – это все сказки для тех, кого они хотят завербовать.

Чаще всего наемники представляют арабские, в том числе североафриканские страны, но среди них можно встретить и европейцев, и американцев. Для них главное, чтобы им платили за пролитую кровь. Их только одно это и интересует.

Иногда старший лейтенант Крушинин по какой-то причине отсутствовал в роте. Он, например, отправлялся в отпуск, положенный ему после командировки в район боевых действий. В таких случаях обычно оставлял вместо себя старшего лейтенанта Соколовского, командира первого взвода. Разведчики к этому привыкли. Соколовский являлся самым опытным после командира офицером роты и со временем должен был бы занять место ее командира. Так Ибрагим Владимирович решил сделать и в этот раз.

– Рюрик, ко мне! – приказал он командиру первого взвода, используя его позывной.

– Иду, командир, – отозвался Соколовский.

Рядом с Крушининым этот офицер оказался тут же, меньше чем через минуту.

Еще две минуты понадобились Анчару на то, чтобы обрисовать заместителю ситуацию. Особое внимание командир роты уделил тому обстоятельству, что в ущелье может погибнуть целый взвод. В спецназе военной разведки, где потеря любого бойца является самым настоящим нонсенсом, такая беда считается недопустимой ни при каких обстоятельствах.

– Мы ударим сзади, – заявил он. – Твоя задача – появиться на позициях взвода, блокированного бандитами. Сделать это конечно же надо будет незаметно для противника. Однако полной темноты не жди. Взводу требуется помощь. Твое появление будет для бандитов неожиданностью. Если они ринутся в атаку, уничтожай их без жалости, всеми возможными средствами. Когда мы с Радужным ударим им в спину, у них останется только один выход – прорываться через ваши позиции. Сейчас они наверняка считают их слабыми. Твое появление там станет для банды тяжелым нокаутом. Такой удар противник чаще всего пропускает тогда, когда тот бывает совершенно неожиданным. Добивай, только лови момент нашего появления, чтобы нас не перестрелять. Впрочем, будем поддерживать связь. В случае отказа радио сигналы ракетами. Две зеленые будут означать мою атаку. Увидишь их, немедленно поднимай парней в рукопашку. Пусть они заранее подготовят малые саперные лопатки. Остальная кодировка обычная, общевойсковая. Вопросы есть?

– Вопросов нет, командир. Мы пошли.

– Гони. Не забудь за спиной посты выставить.

– Этот момент я уже продумал.

Дождаться, пока рота выступит к входу в третье ущелье, Анчар не стал. Он только сделал Радужному знак рукой. Тот дал по связи команду взводу, и скалолазы двинулись в ворота второго ущелья. Первым пошел командир роты, но его тут же догнали два солдата с ручными пулеметами, высланные командиром взвода в качестве передового дозора.

Старший лейтенант Крушинин частенько поглядывал в свой планшетник, тогда как пулеметчики контролировали пространство впереди. Они были готовы пресечь любое движение бандитов мощными длинными очередями, прижать их к земле, не дать им ни малейшей возможности поднять голову, позволить бойцам взвода подготовиться к встрече с ними.

Ведь пулемет отличается от автомата, которыми вооружены все солдаты и офицеры взвода, именно тем, что имеет возможность стрелять длительными непрерывными очередями и осуществлять надежное прикрытие. При таком интенсивном обстреле найдется очень мало героев или безумцев, желающих поднять голову и посмотреть в огнедышащий глаз. Тем более когда этих глаз бывает два. Шальная пуля сама не знает, куда она полетит, и лучше не искать с ней встречи.

Планшетник старшего лейтенанта скоро подсказал, что над ними находится первое место, отмеченное Радужным как возможное для перехода. К этому времени ущелье уже начала сковывать ночная темнота, хотя еще можно было рассмотреть, что справа по ходу тянется сплошная монолитная стена. Даже хорошо подготовленные скалолазы могли бы преодолеть ее только с большим трудом.

Лейтенант Радужный, видимо, тоже смотрел в свой планшетник, который показывал ему местонахождение командира роты и двух пулеметчиков. Поэтому он сразу догнал их.

Но трудности прохождения монолитной стены лейтенант заметил и оценил еще на подходе.

– Подняться здесь до перевала мы, пожалуй, в дневных условиях и смогли бы, но на это уйдут целые сутки, – сообщил Радужный командиру роты.

– Я тоже вижу, что до перевала добраться сложно, – согласился Анчар, опуская бинокль с тепловизором, с помощью которого он рассматривал стену. – Очень уж высоко монолит идет. Трещин в стене минимум. Крепление вбить толком некуда.

– Что делать будем? – скороговоркой спросил лейтенант.

– Идем ко второму перевалу, – ответил командир разведывательной роты и шагнул, не оборачиваясь, вперед.

Однако Радужный за ним не двинулся. Вслед за старшим лейтенантом, как и прежде, пошли только два пулеметчика. Лейтенант остался дожидаться остальных бойцов взвода, которые быстро подтянулись к командиру.

До второго перевала расстояние было примерно таким же, как от ворот ущелья до первого. Только вот передвигаться бойцам предстояло по россыпи крупных камней, видимо, свалившихся сверху и потому глубоко ушедших нижним рядом в землю.

Теперь уже и сам старший лейтенант Крушинин смотрел на планшетник довольно редко. Гораздо чаще он прикладывал к глазам свой мощный десятикратный бинокль, чтобы определить безопасность прохода.

Оказалось, что командир роты делал это не зря. Еще на подходе к перевалу он услышал стук упавшего камня, невольно поднял окуляры бинокля выше поверхности и сразу заметил противника.

По крутому склону, пользуясь веревками, неторопливо, соблюдая все возможные меры безопасности, спускались около двадцати бандитов. Видимо, они были хорошо осведомлены о возможности прохода по перевалу и намеревались выполнить то же самое, что задумал майор Пороховщиков, только с противоположной стороны. Бандиты хотели ударить в тыл спецназовцам, занявшим ущелье. Камень вывалился из-под ноги кого-то из них, не выдержал изрядного веса человеческого тела.

Ибрагим Владимирович решительным жестом остановил пулеметчиков, уже готовых открыть огонь. Он поднял свой автомат, снабженный глушителем и ночным тепловизионным прицелом «Шакин». Лазерный дальномер показал дистанцию до противника – восемьдесят метров. На таком расстоянии бандиты не услышат стрельбу из автоматов с глушителями.

– Ливень, внимание! Со всем взводом ко мне! Впереди по стене спускаются два десятка бандитов.

Не прошло и минуты, как взвод скалолазов во главе со своим командиром оказался рядом.

– Прицел постоянный! Одиночный ставь! Огонь! – дал команду старший лейтенант и первым сделал прицельный выстрел.

Солдаты стреляли по-разному, одни стоя, другие – припав на одно колено, кому как было удобнее. Но они не промахивались. Бандиты даже понять не успели, что произошло. Сам спуск был не сложным, хотя любой из них вполне справедливо считается более тяжелым, чем подъем. Пятеро боевиков все же успели оказаться на дне ущелья. Остальные были убиты прямо на стене. Однако все они были закреплены самостраховкой, и потому никто из них не упал на камни. Это было спецназовцам только на руку. Пятеро спустившихся не ждали, когда другие окажутся рядом с ними, а сразу двинулись навстречу взводу скалолазов.

– Живыми захватить! – шепотом дал команду старший лейтенант и показал растопыренные пальцы, приказывая бойцам рассредоточиться веером.

Этот жест остался в памяти каждого офицера спецназа с тех времен, когда в войсках еще не было комплектов оснастки «Ратник» и не существовало возможности тихой связи. Поэтому команды, не замечаемые противником, тогда отдавались жестиком.

Среди солдат эти знаки, привычные офицерам, знали в основном контрактники, составляющие большую часть роты. А вот призывники в этом могли и не разбираться. По крайней мере, часть таковых.

Поэтому командир взвода лейтенант Радужный вынужден был повторить визуальную команду словами:

– Рассредоточиться всем! Веером охватываем!..

– Первый, самый высокий – мой! – заявил старший лейтенант, присел за большой валун, отложил в сторону автомат и приготовил малую саперную лопатку.

Выбор жертвы показался Крушину вполне логичным. Бинобль показал ему не простого бандита, а человека с распахнутым воротом и толстой цепью на шее, видимо, золотой и явно выставленной напоказ. Но не она была главным моментом в таком вот выборе старшего лейтенанта.

Этот человек имел явные отличия во внешности от других. Он тоже носил бороду, но явно был европейцем, то есть наемником. Черты лица, которые старший лейтенант смог рассмотреть с биноклем, говорили о его, скорее всего, прибалтийском происхождении. Шел он впереди остальных так, словно задавал тон, то есть был командиром этого маленького отряда. В левой руке бандит нес автоматическую винтовку М-16, что только подчеркивало его принадлежность к наемникам, которые предпочитали использовать то оружие, к которому давно привыкли.

Все эти оценки были сделаны Ибрагимом Владимировичем за полсекунды, почти автоматически. Он давно уже научил себя мыслить так быстро не только в боевой обстановке. Мало того, за это же время Анчар даже успел просчитать траекторию прохода человека, которого решил захватывать сам. Именно потому он слегка сдвинулся за валун вправо, посчитал, что бандит будет обходить его с другой стороны.

Так все и получилось. Ибрагим Владимирович успел даже шаги бандита услышать, взял в руку лопатку и приготовился выпрямиться, потому что не умел и категорически не желал нападать сзади. Старший лейтенант мог вывести своих бойцов за спину противнику, но никогда в таких случаях сам не начинал стрелять первым. Он оставлял начало такой атаки на своих солдат и принимал участие в бою только тогда, когда бандиты оборачивались и открывали ответный огонь. А уж пускать пулю, тем более наносить удар малой саперной лопаткой со спины, он за годы службы так и не научился. Это претило его натуре горца.

Именно потому, едва бандит оказался рядом с камнем, за которым старший лейтенант прятался, тот выпрямился и совершенно спокойно спросил:

– Что ты так поздно на прогулку вышел, уважаемый? Споткнешься еще, упадешь, нос в кровь разобьешь, пальцы сломаешь.

Наемник среагировал очень быстро. Старший лейтенант, честно говоря, на такое не рассчитывал. Он ждал растерянности и непонимания, попытки понять ситуацию, уразуметь, откуда здесь взялся этот офицер. Но бандит успел вскинуть свою автоматическую винтовку.

Поэтому Крушинин после кругового движения рубанул лопаткой по его правой кисти и почти без усилий отсек пальцы. Потом старший лейтенант замахнулся, якобы намереваясь нанести удар по голове. При этом он прекрасно понимал, что бандит инстинктивно попытается защитить голову здоровой рукой. Крушинин чуть-чуть отдернул свою лопатку назад, одновременно меняя траекторию нанесения удара, и так изувечил вторую кисть противника.

Ремень автоматической винтовки опоясывал шею бандита. После второго удара она бесильно повисла, перестала быть угрозой старшему лейтенанту. Без пальцев стрелять из нее было невозможно. Однако бандит, видимо, не сразу осознал это и сдаваться на милость победителя пока был не намерен.

Одновременно наушники донесли до командира роты другие звуки, за которыми он все время следил. Это бойцы взвода без проблем захватили остальных четверых бандитов.

Первый поднял перед собой окровавленные руки, думая вцепиться противнику в горло, и только тут понял, что остался без пальцев. Бандит взвыл диким зверем.

Анчар ожидал отчаянного сопротивления и борьбы, однако его противник упал перед победителем на колени, сложил окровавленные руки на груди и сказал по-русски, но с протяжным акцентом, выдающим его прибалтийское происхождение:

– Пощади, не убивай. У меня четверо детей.

– А ты сюда пришел убивать, не спрашивая, у кого сколько детей! – сказал в ответ Крушинин и убрал лопатку в чехол за спину.

– Я хотел только своим детям на безбедную жизнь заработать.

Анчар уловил взгляд бандита, направленный на стену, по которой спускались эти негодяи.

Он понял, чего ждет этот человек, и проговорил:

– За тех, кто на стене висит, не переживай. Там только тела на самостраховке. Мы их уже перебили, и тебя спасать теперь некому.

Тут подоспели солдаты взвода. Они не обращали внимания на кровь, которая текла из ран и брызгала во все стороны, стали закручивать бандиту руки за спину и связывать их.

Делать это спецназовцы умели, были обучены. Они хорошо знали, что верхняя связка должна быть расположена чуть выше локтя и при этом туго затянута. Тогда противник ничего не сможет предпринять.

Остальных четверых пленников парни тоже связали, только по-другому, спереди, методом спецназа военной разведки. Они сводили одну к другой тыльные стороны ладоней бандитов, потом связки переходили выше, до самых локтей. Боевики, упакованные таким вот изощренным образом, вообще ничего сделать руками не могли. Они испытывали сильное и мучительное растяжение связок в локтевых суставах.

Ибрагим Владимирович понял, что через несколько минут они дозреют, и их можно будет допрашивать.

А пока он взялся за веревку, стянувшую руки за спиной бандита, отвел в сторону этого наемника из Прибалтики и задал ему самый главный вопрос, интересовавший его теперь больше, нежели все остальные:

– Сколько вас теперь здесь? Я про всех бандитов спрашиваю.

– Вместе с нами было девяносто два. Осталось семьдесят два че...

Он хотел, видимо, сказать «человека», но услышал наименование, употребленное старшим лейтенантом, и не решился произнести это слово полностью. Понимал разницу!

– Какое у вас вооружение?

– Автоматы с глушителями. С собой из Сирии привезли. Там захватили иранский транспорт с оружием и использовали его. Четыре винтовки М-16. Хотя теперь три осталось. Десять гранатометов «Хашим». Правда, есть только пусковые устройства, но самих гранат нет. Мы планировали добыть их в ближайшее время на том же самом складе, где другое доставали.

– Мины у вас есть? – осведомился командир разведроты.

– Мин уже почти не осталось. Все выставили на подходах к базе.

– Рюрик, ты слышишь меня?

– Слышу, командир.

– Ответы пленного разбираешь?

– Нет. Слышал только, как он орал. Ты ему что, голову отрезать пытался?

– Нет, я человек добрый. Только пальцы отрубил в схватке. Думал лопатку метнуть, но не успел, он пощады запросил. Наемник из Прибалтики. Судя по говору, литовец. Голова у него еще цела, к сожалению. Если будет врать, то я ему сначала уши отрежу, а потом и язык. Пока он говорит, что подходы к бандитской базе заминированы. А проверить, так ли это на самом деле, совсем не трудно. Я сейчас потрясу как следует еще четверых. Всего пленных у нас пятеро. Других я еще не допрашивал.

– Я понял, командир. Взвод саперов со мной. Как подавим, сразу пушу их вперед. Какие мины?

Старший лейтенант Крушинин адресовал пленнику такой вопрос.

– МОН-100, – сразу же ответил тот.

– Сколько их?

– Восемь штук. Еще, кажется, две МОН-50.

– Что еще из оружия?

– Два пулемета ПКТ, переделанных для пехотного использования. Восьмидесятидвухмиллиметровый миномет «Поднос» и двенадцать мин к нему. Три снайперские винтовки на двух настоящих стрелков. Есть и третий, но он только учится, работает так себе, новичок. Две винтовки – обычные «СВД», одна – крупнокалиберная «Корд». Она трофейная. Находится как раз у этого ученика.

– Прицел у нее какой?

– Дневной. «Гиперон».

Командир роты передал ответы пленника старшему лейтенанту Соколовскому.

– Отработаем. Не впервой, – сказал тот.

– Со снайперами аккуратнее надо. Ты наших ребят на них натрави. Они не зря в Солнечногорске учились, умеют охотиться. – Анчар снова повернулся к пленнику и осведомился: – Что у вас там еще интересного есть? Говори, иначе, в случае любого сюрприза со стороны банды, буду сначала по половине руки тебе отрубать, а потом, когда они кончатся, и за ноги возьмусь.

– Бригада землекопов. Десять человек. Они могут очень быстро тоннели копать. За ночь полтора десятка метров делают. Однако это если кто-то за ними будет землю выносить на поверхность. В противном случае восемь, самое большее десять метров получается.

– Что и где они уже прокопали?

– Карта у эмира. Я не смотрел. Землекопы ему лично подчиняются. Знаю только, что они работали в райцентре, подбирались к военным складам и к отделению полиции.

– Как эмира зовут?

– Ибрагим аз-Захари. Так он сам себя называет. Еще с Сирии. А настоящего его имени никто не знает.

– Тезка, значит.

– Чей тезка? – спросил бандит.

При этом он показал, как хорошо владеет русским языком. Это слово знает далеко не каждый иностранец.

– Мой тезка. Меня Ибрагимом зовут. И мать моя родная когда-то носила фамилию Захарова. Значит, вдвойне тезка. Но ничего, мы и с тезками повоюем. А ты где так по-русски разговаривать научился?

– Я заканчивал Московский институт международных отношений, – сообщил пленник с очевидной гордостью, непонятной старшему лейтенанту.

Крушинин слышал, что в давние советские времена МГИМО был самым престижным вузом страны, наравне со ВГИКом. Однако теперь, во времена российские, поменялись многие приоритеты. Сегодня МГИМО считался вузом, куда шли сыновья и дочери богатых людей, да и только.

– Факультет какой? – спросил Ибрагим Владимирович. – У меня жена МГИМО заканчивала.

Он сам не знал, почему так сказал. Анчар ведь даже не сделал своей многолетней подруге Полине официального предложения, хотя у них должен был уже вскоре родиться сын. Так говорили врачи, определившие пол будущего ребенка. Встречались они практически каждый день, когда Ибрагиму Владимировичу удавалось приехать в город, хотя и не жили вместе.

– Международно-правовой.

– Нет. Она училась на факультете международной журналистики.

– А работает где?

Ответить старший лейтенант не успел.

К ним подошел санинструктор взвода скалолазов ефрейтор Сапожков и сказал:

– Товарищ старший лейтенант, разрешите сделать раненому перевязку.

– Перевязывай. Только чуть погоди, – разрешил командир роты, радуясь, что ефрейтор прервал этот разговор, который невольно делал пленника почти знакомым ему человеком.

Тот, видимо, именно этого и добивался.

Но еще несколько вопросов этому типу командир роты все же задал.

Ибрагим Владимирович вытащил свой планшетник, вывел на монитор карту третьего ущелья и потребовал от пленника:

– Лагерь банды!.. Покажи, где он находится!

Бандит глянул на монитор и сразу ткнул в него последним оставшимся пальцем, обрызгав при этом кровью. Руки у него уже были развязаны. Это сделал санинструктор.

Крушинин, вытерев кровь пленника его же рукавом, обозначил на карте точку, тут же переслал картинку всем командирам взводов своей роты и спросил:

– Еще что там есть?

– В лагере находится резерв эмира. Должно быть, около двадцати, а то и тридцати человек. В каких палатках они прячутся, я не знаю. В курсе только, что три палатки занимают.

– Семьдесят два бандита – это вместе с эмиром?

– Без него. Он семьдесят третий. – В этих словах пленника содержалась какая-то угроза.

– Разница не велика. Патронов у нас на всех хватит, – показал командир роты свое отношение к этой попытке напугать его.

После этого Анчар прервал разговор с прибалтийским наемником и начал допрашивать других пленников. Однако ничего путного из этого не вышло. Старший лейтенант отводил их в сторону, чтобы не стеснялись что-то сообщать при своих, но они категорически не желали разговаривать с ним. Сначала прикидывались, что русского языка не знают.

Тогда Ибрагим Владимирович переходил на чистейший аварский язык, который знал и помнил с детства, разговаривал на нем с отцом. Подполковник спецназа полиции, трагически погибший на пожаре, всегда уважал свой народ. Это прежде всего выражалось в его отношении к родному языку.

Анчар видел, что пленники его понимали, даже если они и не были аварцами, но отвечать не желали. Тогда он для очистки совести переходил на арабский, которым владел весьма поверхностно. Но и эти его потуги не дали никакого результата. Пленные вполне разумели, что старший лейтенант у них спрашивает, да только вот упорно не отвечали ему, попросту игнорировали допрос.

Сам наполовину аварец, во многом носитель характера горца, Ибрагим Владимирович знал, как трудно бывает заставить говорить дагестанца, если он не хочет этого делать, поэтому решил время не терять. Жизнь солдат взвода лейтенанта Обухова, уже погибшего в бою, все еще была под угрозой.

– Связать их всех вместе, в одну кучу, – дал он распоряжение лейтенанту Радужному. – Оставь одного человека присматривать за ними. Начнут суетиться, пусть стреляет без предупреждения. Такое дерьмо не жалко. Они сами никого никогда не жалели, лезли через перевал, чтобы в спину наших парней расстреливать.

Лейтенант Радужный отдал соответствующую команду. Бойцы выполнили ее и двинулись вперед, вслед за командиром роты и теми же двумя пулеметчиками. Пройти им осталось не так уж и много.

Глава 2

Веревки, с помощью которых бандиты спускались по крутому склону, так там и оставались и оказались весьма кстати. В местах крепления связок для самостраховки на них все еще болтались тела убитых боевиков, которые бойцам пришлось сбрасывать, когда они до них добирались.

Не исключено, что с горы летели даже раненные, но после падения таковых все равно уже не оставалось. Высота тут была очень даже значительной. Прежде чем достичь дна ущелья, они бились телом и головой о каменные выступы скалы. Война, знаете ли, штука более чем жестокая. Там нет места сентиментальности.

Однако обрезать следовало не основную веревку, а только страховочную, крепящуюся к поясу. Крушинин сразу объявил об этом всем по связи. Он считал такое предупреждение очень важным, хотя и знал, что бойцы и сами должны были это понимать.

Веревки были не динамическими, значит, повредить их было трудно. Они вполне подходили для повторного использования ради своих нужд. Так бойцы и поднимались, пользуясь чужими веревками. Они надеялись, что бандиты тоже заботились о своей безопасности. Лишь некоторые солдаты предпочли пользоваться своими веревками и крюками, которые вбивали с пониманием дела и с полной ответственностью за свою жизнь. Про систему самостраховки никто не забывал. Ибрагим Владимирович следил за этим и сам подавал пример своим подчиненным.

Но здесь и сам склон представлял собой не сплошной монолит, как на участке первого перевала. Он был не таким одиозно прямым по вертикали, являлся просто скоплением скал, навалившихся одна на другую. Между ними можно было легко укрепить крючья, которые держали дополнительные веревки и связки для самостраховки тем, кто не пожелал воспользоваться чужими.

Лейтенант Радужный был настоящим специалистом по этой части. Командир роты знал об этом и сразу доверил ему командование подъемом. Тот прежде всего разделил взвод на две группы. При подъеме первой вторая стояла внизу с поднятыми стволами автоматов. Тепловизионные оптические прицелы «Шакхн» позволяли этим бойцам контролировать ближний склон перевала на тот случай, если там появятся другие бандиты.

Старший лейтенант Крушинин подумал, что такая предосторожность была совсем не лишней. Бандитский эмир вполне мог выслать в тыл взводу спецназа еще одну группу, аналогичную по численности первой. Просто вдогонку. В помощь. Хотя, по идее, эта вторая группа уже должна была бы появиться на перевале. Если этого до сих пор не произошло, значит, главарь бандитов ее не послал.

Тем не менее лейтенант Радужный решил подстраховаться на всякий случай и поступил совершенно правильно. Мало ли какая задержка может быть у бандитов. Поужинать не успели, да и все. Хотя после приема пищи ползать по скалам тяжеловато. Даже после чаепития не так-то легко, не говоря уже о полноценном ужине. Однако эмир, видимо, посчитал, что вторая группа – это излишняя роскошь.

Сам старший лейтенант Крушинин пошел на перевал вместе с первой группой. Навыки скалолазания у него, разумеется, имелись. Настоящая горная практика ему выпадала только изредка, но вот заниматься на скалодроме Анчару приходилось даже чаще, чем простым солдатам, особенно в ту пору, когда старший лейтенант еще взводом командовал. Состав призывников в подразделении время от времени менялся. Командиру приходилось заниматься с новичками, обучать их тому, что умел сам. Следовательно, ему и самому приходилось учиться. Одно время он даже посещал специальную секцию скалолазания. Даром это тоже не прошло.

К тому же Ибрагим Владимирович отлично знал, что такое характер, который очень важен на занятиях по скалолазанию. Бывает, подступают моменты, когда руки уже отказываются подтягивать тело к очередному уступу. Тебя одолевает усталость. Мышцы становятся похожи на мешки из человеческой кожи, набитые вязким сырым песком. Они не желают тянуть веревку, поднимать вес собственного тела. Пальцы наотрез отказываются сгибаться и цепляться за очередной уступ.

Однако сила воли не покидала офицера, не желающего показать солдатам свою слабость. Командир разведывательной роты считал, что не имеет на это права, заставлял себя и дальше подниматься без остановки. Он делал это, пересиливал свои ощущения, заставлял свое тело оставаться послушным воле.

Здесь, в ущелье, чтобы подняться на скалу, требовалось преодолеть путь в четыре раза больший, чем на скалодроме. Там бойцы тренировались с короткими перерывами на отдых. За время занятий они преодолевали подъем до пяти-шести раз и вовсе не умирали от неимоверной усталости. Здесь же, в этом проклятом ущелье, просто невозможно было отдохнуть и расслабить уставшие мышцы.

Старший лейтенант лез, несмотря на усталость. Точно так же поступали и солдаты взвода скалолазов, имеющие специальную подготовку. Командир роты не мог себе позволить показать им, как ему погано. Последние метры Ибрагим Владимирович преодолевал с невероятным трудом.

На завершающем участке пути двум солдатам удалось догнать старшего лейтенанта и взобраться на небольшую площадку перед перевалом одновременно с ним. Командир разведывательной роты похвалил бойцов за это, отметил их очень даже неплохую подготовку. Дескать, вы молодцы, ребята, хорошо карабкаться по скалам научились.

Самых солдат он осмотрел чуть позже, после того как они поднялись на площадку. Один из них, низкорослый, но крепкий и широкоплечий парень, затащил туда на своем плече винтовку «Корд», которая сама по себе, без всего прочего, весит аж двенадцать с половиной килограммов. Но на винтовке был ночной прицел 1 ПН111. На поясе бойца висели несколько подсумков с патронами калибра двенадцать и семь десятых миллиметра.

Чтобы подняться на перевал не только свое тело, но и достаточно тяжелую оснастку вместе с вооружением, следовало иметь недюжинную силу и выносливость. Снайпер этими качествами обладал в полной мере. А ведь для них даже каждодневные тренировки были особыми. Им обычно запрещается поднимать груз более двадцати пяти килограммов, чтобы избежать дрожания рук при прицеливании.

Только тогда, когда на площадке оказалось более половины первой группы, Крушинин по связи отдал приказ командиру взвода:

– Ливень, запускай остальных! Да и сам поднимайся.

Прошло более получаса тяжелой работы. Когда весь взвод, за исключением бойца, оставшегося караульным рядом с пленниками, оказался наверху, его первая половина во главе с командиром роты находилась уже на самом перевале, на середине такового. Дальше они не пошли, остались ждать, когда вторая часть взвода хотя бы переведет дыхание, частично восстановит силы в руках, ногах и спине, чтобы осуществить спуск.

Когда вторая половина взвода подошла к ним, Ибрагим Владимирович жестом приказал солдатам оставаться у него за спиной. Он первым двинулся к краю перевала, чтобы оценить сложность ночного спуска с него.

Там тоже остались веревки, и даже элементы самостраховки не были полностью сняты. Дно третьего ущелья было далеко, и смотреть на него сверху было не самым приятным занятием. В темноте оно вообще не различалось. Крушинину пришлось прибегнуть к тепловизионному биноклю, который показал ему лагерь бандитов, расположенный на четыре-пять десят-

ков метров ниже по ущелью, нежели спуск с перевала, который на маршруте бандитов являлся подъемом.

Таким вот образом выходило, что ночной спуск был делом достаточно опасным. Внизу мог находиться бандитский пост.

Однако Ибрагим Владимирович понимал, что это едва ли реально. Он ведь помнил, как наемник из Прибалтики показывал на карте, что лагерь бандитов расположен гораздо ближе к воротам ущелья. Впрочем, совсем не факт, что этот тип обманывал его намеренно. Во-первых, он мог просто плохо ориентироваться в картах спутниковой съемки, однако желал выставить себя грамотным специалистом и не выказывал никакого сомнения при ответе на этот вопрос. Во-вторых, он мог показать просто передовую линию лагеря, а командир роты теперь рассмотрел в свой бинокль заднюю. Почему бы лагерю и не быть настолько вытянутым? С точки зрения бандитов, такая его форма вполне соответствовала требованиям безопасности.

Ибрагим Владимирович снова улегся на край скалы, откуда вел первые наблюдения, и прильнул к биноклю. Этот прибор был в три раза более сильным, нежели прицел «Шахин». С его помощью рассмотреть базу бандитов можно было гораздо лучше даже сейчас, в полной темноте, когда не было никакой подсветки со стороны.

Ибрагим Владимирович упер локти в склон, чуть подстроил бинокль под свои глаза и принялся рассматривать логово бандитов. Вскоре у него не осталось никаких сомнений в том, что литовский наемник показал ему именно передний край большого лагеря, противоположная сторона которого выходила к самому повороту.

Времени для создания этой линии обороны у бандитов, видимо, было много. Здесь, в ущелье, никто не мог вычислить их довольно долго, до того самого момента, пока они не совершили нападение на армейские склады. Поэтому боевики сначала совершенно спокойно, без всяких помех оборудовали свой лагерь. Они делали это очень серьезно, надеялись, видимо, что засядут тут надолго.

С тыла лагерь был обнесен оградой высотой примерно в метр, сложенной из камней разного размера. Похоже было на то, что бандиты притащили их сюда со дна ущелья. Цемент на кладку они не тратили, видимо, за неимением такового и из-за невозможности закупить его или просто украсть в нужных количествах. Зато в ущелье было полно глины, которая вполне могла заменить этот строительный материал. Такая стена должна была выстоять хотя бы год с небольшим, если не два с половиной. Сейчас, весной, когда снег сошел, стена только самую малость защищала какую-то часть лагеря от ветра, который порой любит спускаться по ущельям в долины. Если банда на этот раз отобьется от спецназа и останется на месте, то зимой стена будет преградой снегу.

Но это разговор о задней стене лагеря. А ведь тут была еще и передняя. Анчар видел только маленький ее участок, тянущийся рядом с поворотом ущелья, но понимал, что она поставлена основательно, по всем правилам фортификации. Там были и удобные бойницы, и брустверы, и даже окна, прикрытые сверху, которые принято почему-то называть пулеметными гнездами. В понимании Ибрагима Владимировича таковые должны выглядеть совсем иначе. Но старший лейтенант оставлял эту терминологию на совести тех людей, которые ее выдумали, не желал тратить время на досужие рассуждения. Кроме того, стены вокруг помянутых пулеметных гнезд были снаружи и частично изнутри укрыты, похоже, мешками с песком. Это было видно под углом на том участке линии обороны, который оказался доступным для наблюдения.

При этом совершенно никак не была оборудована для обороны задняя стена. Это могло бы говорить не столько о небрежности эмира Ибрагима аз-Захари, сколько о его хитрости. Никак не мог опытный командир не предполагать возможности атаки сзади, со стороны границы, то есть оттуда, откуда бандиты и пришли сами. В этой ситуации было что-то неестественное.

Тем более что эмир знал о возможности перехода через перевал из второго ущелья. Он ведь сам воспользовался ею, послал в тыл спецназу сильную группу боевиков. Опытный командир просто обязан был предположить, что его противник тоже в состоянии преодолеть перевал и атаковать с тыла.

«Значит, литовский наемник не сказал мне что-то важное. Мины!.. – понял старший лейтенант. – Основная их часть должна быть выставлена с тыла. Там, где позиция противника кажется нам самой слабой.

У эмира обязательно есть резервная группа бойцов, которая сразу после первого взрыва займет позицию у задней стены, использует ее вместо бруствера. Только так банда будет в состоянии удержать лагерь в случае атаки.

Наемник намеренно обманывал меня, когда уверял, что все мины установлены впереди. Ничего, это ему при вынесении приговора суда тоже зачтется! Не скоро он снова задумается о том, как обеспечить безбедное существование своих детей.

Сначала его ждет больница, тюремный лазарет, где должности врачей заняты обычно неграмотными коновалами. Потом, до самого конца жизни – зона, в лучшем случае особого режима, где держат только так называемых полосатиков. В худшем же – камера с парашей в углу. Вместо одной из стен – решетка, за которой сидит безжалостный конвоир. Вывод на ежедневную прогулку с заломленными за спину покалеченными руками».

Взвод саперов, являющийся составной частью разведроты, ушел вместе со старшим лейтенантом Соколовским для поддержки бойцов лейтенанта Обухова, которые первыми вступили в бой с противником. Однако в каждом подразделении спецназа, в том числе и в специализированном взводе скалолазов, имеется собственный сапер.

Одного человека, конечно, мало, но каждый офицер спецназа в состоянии выполнять обязанности специалиста любого профиля, будь то сапер или снайпер. Конечно, постоянной практики офицерам не хватает, но обучение и тренинги они проходят постоянно, поэтому сумеют обеспечить взводу проход, проложить коридор даже через самое плотное минное поле.

Тут надо сказать, что передвигаться по подобным коридорам, специально созданным для неожиданной атаки, обязательно обучаются все бойцы спецназа военной разведки. Тут нет места узкой специализации, совершенно не важно, сапер ты, повар или скалолаз. Боец спецназа военной разведки – это всегда самостоятельная боевая единица, солдат широкого профиля. Значит, проблем возникнуть не должно.

К командиру роты, проводящему рекогносцировку, присоединился командир взвода скалолазов лейтенант Радужный. Он устроился рядом с Анчаром и стал рассматривать лагерь бандитов в прицел своего автомата.

Внизу, в пяти метрах от забора, начинались ряды палаток. Над брезентовой крышей самой большой из них торчала асбестовая труба, пропущенная через лист такого же картона в целях пожарной безопасности.

В какой-то другой палатке, даже в трех, как утверждал пленный литовский наемник, должен был находиться боевой резерв эмира.

Брезент не сильно мешал работе тепловизора. Так, рассматривая бандитскую кухню, командир роты легко определил очертания еще горячего котла. Видимо, бандиты не так давно ужинали. Скорее всего, этот прием пищи проходил в две, если не в три смены. Всем боевикам одновременно оставлять позицию было нельзя. Возможно, в это же самое время подкреплялись своим сухим пайком» и бойцы взвода лейтенанта Обухова, погибшего от бандитской пули. Война войной, а обед по расписанию. Этот старинный немецкий принцип действовал и сегодня в любой армии мира.

– Анчар, я Рюрик. Как слышишь меня? – вышел на связь командир первого взвода старший лейтенант Соколовский.

– Рюрик, я Анчар, слышу тебя нормально. Доложи обстановку.

– Я соединился с коллегами. Себя противнику не показал. Тяжело ранен в грудь старший сержант Кондратенко. Пуля пробила бронежилет и застряла в теле. Стрелял, видимо, снайпер. Я выставил двух своих ребят противника пощипать. Пусть поработают в режиме свободной охоты.

– Оппонентов у них трое. У двоих, напомним, «СВД» с прицелами ПСО-1, у одного – крупнокалиберная «Корд» с дневным прицелом «Гиперон».

– Уже охотятся за всеми троими. И за простыми бандитами тоже. Несколько боевиков сняли.

– Товарищ старший лейтенант! – вклинился в разговор младший сержант Личуткин, которого командир роты узнал по густому басу. – Я только что снайпера с «СВД» уничтожил. А до этого двух бандитов. Один из них – здоровенный такой губошлеп. Я ему пулю прямо в рот послал. Накормил его собственными зубами по полной программе. Несварение желудка обеспечил.

– Отлично, продолжай работать, – похвалил Ибрагим Владимирович снайпера, стреляющего из «винтореза», и добавил: – Пулю в девять миллиметров не каждый желудок переварит.

– Анчар!.. – обратился к командиру роты командир взвода скалолазов, рассматривающий лагерь бандитов в тепловизионный прицел автомата. – От столовой влево третья палатка. Мне в прицел плохо видно. Там, кажется, группа боевиков. Посмотри в бинокль.

Более сильная матрица бинокля позволяла видеть и через двойной слой тонкого брезента, пусть и не очень-то четко. Командир взвода это знал, потому и попросил ротного о помощи.

– Для всего резерва палатка маловата, – сделал вывод Ибрагим Владимирович и стал присматриваться внимательнее. – А что там у них рядом с палаткой стоит? Толком не разберу.

– Похоже, лопаты и кирки, – проговорил лейтенант. – И носилки к брезенту прислонены. Да не одни, а целых трое.

– Точно. Тогда понятно. В палатке бригада землекопов прячется. Их десять рыл должно быть. Ищем резерв. Он должен располагаться в двух, а то и в трех палатках. Пленник говорил именно о трех. Меньший резерв и держать не стоит.

– Есть палатка! – сообщил Радужный. – От землекопов на один ряд ближе к нам, влево третья. Эти бандиты там курят, похоже.

Даже матрица тепловизора прицела «Шехин» легко улавливала тепло горячей сигареты. Таких точек там было четыре. Всего в палатке старший лейтенант Крушинин насчитал очертания шести тел.

– Эх, сейчас бы жакнуть туда прямой наводкой из гранатомета, – высказал свою заветную мечту лейтенант Радужный.

– Нельзя это делать. Другие рассредоточиться успеют. После этого мы отсюда не спустимся. Кто знает, сколько у них ночных прицелов в наличии. Перестреляют нас при спуске. Но несколько человек с гранатометчиком мы наверху все же оставим, – проговорил командир роты.

Он воспринял это предложение лейтенанта как подсказку на ближайшее будущее.

– Одно отделение, – решил лейтенант.

– Может быть, так и будет. Оставим целое отделение.

Старший лейтенант вроде бы дал свое предварительное согласие, но командир взвода хорошо знал, что Крушинин легко меняет свои решения в зависимости от обстоятельств, подстраивается под них.

Достаточно быстро нашлись еще две группы бандитов в других палатках. Они тоже ждали своего часа, когда получат приказ вступить в бой, а теперь, кажется, спали.

Но эти боевики вполне могли такого приказа и не получить. Эмир мог послать их и на защиту передовой линии. Тогда удар сзади получится особенно сильным и неожиданным.

– Сам эмир, скорее всего, находится пока на передовой линии обороны, – предположил командир разведывательной роты.

Конечно, уничтожить его – дело благое, а захватить такого персонажа было бы еще лучше. Но это уже вопрос компетенции не командира роты. Тут уж как получится. Рисковать жизнями солдат ради какого-то эмира – дело лишнее, совершенно недопустимое.

Но данные на банду все же лучше передать в сводный отряд сразу, пока начальник штаба еще на месте. Прямой связи с майором Пороховщиковым старший лейтенант не имел. Говорить с ним приходилось через отрядный узел связи. Ибрагим Владимирович послал вызов.

– Вовремя ты, а то я уже, честно говоря, уходить собрался, – сказал начальник штаба сводного отряда. – Докладывай обстановку, Ибрагим Владимирович.

– Товарищ майор, я со взводом скалолазов сейчас нахожусь на перевале. На самом верху. Рассматриваем с лейтенантом Радужным лагерь бандитов. Определили палатки с резервом. В банде на данный момент осталось чуть более семидесяти человек, из них десять – команда землекопов. Нами уничтожено пятнадцать бандитов, которые шли через перевал, чтобы ударить нашим в тыл. Пятерых взяли в плен. Руководит бандой эмир Ибрагим аз-Захари. Я о таком типе, честно говоря, ничего не слышал и в ментовских ориентировках про него не читал.

– А ты ориентировки Службы внешней разведки смотрел?

– Никак нет, товарищ майор. До меня такая информация не доводится. Чиним, как говорится, не вышел.

– Выйдешь со временем. А пока я тебе скажу, что в этих ориентировках упомянутый аз-Захари упоминается как один из лучших полевых командиров ИГИЛ в Сирии. Там указано, что он подлежит обязательному уничтожению. Если удастся его захватить живьем, будет еще лучше. Это достаточно важная птица. Он в свое время прилично потрепал прославленную дивизию сирийского спецназа «Силы тигра», возглавляемую бригадным генералом Сухель аль-Хасаном, который прежде не проиграл практически ни одного сражения. Сам этот Сухель аль-Хасан, воин, поэт и музыкант, обычно лично ведет свою дивизию в бой. Перед боем его солдатам читают патриотические стихи, сочиненные генералом. Так что ты будь осторожнее с аз-Захари. Это командир хитрый, хорошо обученный, по-настоящему талантливый военный. В его отряде, действовавшем в Сирии, было много европейских и американских наемников.

– Кстати, среди пленных, захваченных нами, есть один наемник-литовец. Скорее всего, найдутся и другие европейцы или американцы. Этот пленник сообщил мне, что у аз-Захари есть карта с подземным ходом, который его землекопы рыли под военные склады и отдел полиции, расположенные в ближайшем райцентре. Я не знаю, насколько эти работы закончены, но надо бы полицию предупредить. Пусть с приборами поищут эти подземные галереи. Существуют же геолокаторы. Мне саперы про такие приборы рассказывали. В самой Сирии, как я слышал, с подземными ходами большие проблемы возникали.

– Проблемы там и сейчас существуют, и не с одними только подземными ходами. Я предупрежу и полицию, и Росгвардию. Это же их склады. Но бандиты туда уже наведывались. Неужели повторить надумали?

– У них большой запас гранатометов «Хашим», но нет выстрелов к ним. На складе оказались только трубы, без гранат. Но бандиты уже знают, где эти боеприпасы добыть. Если, конечно, отсюда вырваться смогут. Только мы, товарищ майор, их выпускать не планируем.

– Работай, старлей, и почаще мне докладывай. Я шлем с собой возьму в офицерское общежитие. Так что даже ночью не стесняйся. Я тебя обязательно услышу. А пока все, конец связи.

– Конец связи, – подтвердил Ибрагим Владимирович и убрал бинокль в футляр.

Пора было начинать спуск в ущелье.

Глава 3

Сам спуск происходил с использованием ручных тормозящих зажимов, в обиходе называемых обратными жумарами. Он требовал достаточных сил в пальцах рук, но занял не так уж и много времени.

Тут, наверное, стоит сказать, что жумар – это часть снаряжения альпинистов, скалолазов, спелеологов и спасателей, использующих для подъема и спуска веревки. Он представляет собой зажим кулачкового типа. Различаются прямые жумары, применяемые для подъема, и обратные, пригодные для спуска по веревке. Вторые используют силу кистей, тогда как первые – всех рук и умение подтягиваться.

Прямые и обратные жумары имеют слегка различную конструкцию. Запрещается применять как прямые, так и обратные жумары при использовании специальной альпинистской динамической веревки. Нельзя также пользоваться полиспастом, потому что шипы на кулачках жумаров в состоянии сильно повредить саму веревку, даже порвать ее. Особенно при спуске, когда присутствуют рывки и резкие торможения.

Бандиты спускались во второе ущелье намного медленнее как раз из-за отсутствия у них обратных жумаров, хотя поднимались они с помощью прямых.

Теперь же первым, как ему и было положено по должности, спускался командир взвода скалолазов лейтенант Радужный, за ним следовали сапер и командир роты.

Третье отделение взвода почти в полном составе было оставлено наверху, на перевале. Там же находились и гранатометчик вместе со своим вторым номером, числящиеся в первом отделении. Взамен их туда были переданы два бойца.

Работа началась с поиска мин на пути к каменной ограде. Мысли старшего лейтенанта Крушинина на сей счет оказались не беспочвенными. Мины тут и в самом деле стояли плотно и представляли собой немалую опасность. При взрыве одной обязательно детонировали бы и соседние. Тогда какая-то часть ущелья за стенкой просто поднялась бы в воздух, и все вокруг было бы попросту выкошено осколками.

Сапер взвода младший сержант Соломатин шел впереди со щупом. Через каждые два коротких шага он вставал на колени, обезвреживал очередную мину и выставлял маячки по сторонам вычищенного коридора.

– Не торопись, Юра! – притормозил сапера командир взвода. – Мы успеем добраться до противника. Но лучше при этом остаться в живых.

Лейтенант с командиром роты шли, отстав от Соломатина на пять метров, как и было положено. Чисто теоретически, в случае нечаянного взрыва почти все осколки приняло бы на себя тело сапера. Лейтенанту Радужному, идущему вторым, тоже, наверное, что-то перепало бы. Но он при этом закрывал собой командира роты, обеспечивал ему дополнительную защиту.

Однако в реальности детонировали бы мины, расположенные по бокам от той, которую снимал сапер. Осколками были бы наверняка поражены все трое. Но основная группа, дожидаясь создания коридора в минном поле, находилась в стороне. Она укрывалась под скалами, между ними и не должна была пострадать.

Работа сапера не терпит торопливости. Может быть, именно потому она и продлилась более двух часов. Но все на свете когда-нибудь завершается. Было закончено и создание коридора в минном поле. Сапер и два офицера перебрались через каменную ограду, которая оказалась чуть более высокой и широкой, нежели выглядела сверху. Хотя вполне возможно было, что просто они попали на такой участок, где-то рядом этот заборчик был чуть более удобным для преодоления. Но там требовалось бы опять потерять немало времени на поиск мин.

Тем более что какие-то двадцать сантиметров в высоту и в ширину не имели ни малейшего значения для тренированных спецназовцев. Если кому-то трудно просто перешагнуть

эту ограду, то можно на камни запрыгнуть, а потом соскочить внутрь лагеря. Тем более что осматривать другие участки стены желания не проявил никто, ни сапер, ни командир взвода, ни командир роты.

Соломатин вытер рукавом пот со лба.

– Мины тут какие? – спросил командир взвода.

– Итальянки. «Валмара 69», подпрыгивающие. Противная штука. Если взорвется одна, то всех вокруг накроет.

– Но мы удачно прошли весь коридор, – проговорил Ибрагим Владимирович. – Хотя наемник-литовец меня о них и не предупредил. Он рассчитывал, что нас всех тут накроет осколками.

– По эту сторону мины искать? – осведомился сапер.

Радужный вопросительно посмотрел на командира роты.

– Зачем? – сказал Ибрагим Владимирович и пожал плечами. – Ведь бандиты собирались обороняться именно здесь. Видите, в стене через два метра расположены бойницы для автоматных стволов. Никто не будет устанавливать мины на своей собственной позиции. Это очень опасно.

Бойницы, проделанные в стене, и в самом деле были заметны даже в темноте. Они оказались даже чуть более широкими, чем те, которые потребны для автоматного ствола. Видимо, эмир аз-Захари хотел, чтобы в бойнице помещался и свободно двигался в одну и в другую сторону глушитель.

Но теперь уже пользоваться автоматами бандитам было поздно.

– Вызывай взвод, – отдал распоряжение командир роты лейтенанту Радужному.

Тот по связи позвал к себе первое и второе отделения. Солдаты легко и быстро прошли минное поле по коридору, подготовленному для них сапером. Двигались они строго между маячками, выставленными сержантом Соломатиним.

– Ты показал гранатометчику палатки с резервом? – спросил Ибрагим Владимирович лейтенанта Радужного.

– Конечно. И с землекопами тоже, – ответил тот.

– Они не солдаты, а простые рабочие.

– Но в критический момент обязательно возьмут автоматы в руки.

– Да. Это уже было в прошлой командировке. Тогда мы завод по сборке дронов ликвидировали. Бандитов перебили, а потом против нас с автоматами вышли рабочие завода.

– Возможно, – согласился командир взвода. – Но по их палатке я приказал стрелять в последнюю очередь. Сначала выходим к первой с резервом.

– Занять позиции для стрельбы с колена! – приказал лейтенант Радужный своим бойцам и стал расставлять их против палаток с бандитским резервом.

– Не годится, – не согласился с таким решением командир роты. – Так осколками может достать. Отводи бойцов за боковую стену. До взрыва гранат оттуда не высовываться!

– Я понял тебя, командир, – сказал лейтенант и стал выполнять новое распоряжение.

– Егоров! – позвал Радужный гранатометчика. – Ты нас видишь?

– Конечно. Я в прицел автомата смотрю. А потом мне нужные палатки лазерным целеуказателем покажут. Только я во все три попасть одновременно не смогу, сразу предупреждаю.

– Нормально будет, если хотя бы в две подряд попадешь.

– В две успею. У меня две трубы с осколочными гранатами. С одной шандарахну, потом с другой. Но после взрывов из третьей палатки уже все, боюсь, выбегут. Сперва мне помощник гранатомет перезаряжать будет, потом я прицеливаться стану. Время пройдет.

– Это верно, – согласился Ибрагим Владимирович. – К третьей палатке надо солдатам присматриваться. Да и сверху пусть поливают. Главное, не в своих. Но это вряд ли, наши далеко будут. Всем бойцам, которые еще не сделали этого, приказываю к моменту выстрела за боко-

вой заборчик спрятаться. Осколки этой гранаты летят на сто пятьдесят метров. Голову кому раскрошит, залатать в полевых условиях не получится. А здесь вся дистанция будет метров в полста. Все ущелье чуть шире сотни. Достанет запросто, не спрашивая согласия.

Разговор этот велся шепотом, но, видимо, он все-таки привлек постороннее, крайне нежелательное внимание. Из первой палатки резерва вышел какой-то человек. После этого он сразу, на свою беду, повернул голову в сторону офицеров, разговаривающих с гранатометчиком, туда, откуда доносился звук.

Бандит мог бы поднять тревогу, но не успел. Кто-то из тех солдат, которые еще не успели уйти за боковую каменную ограду, с силой метнул в него малую саперную лопатку. Она чиркнула по шее боевика сбоку и сзади, наполовину прорубила ее и застряла между шейными позвонками.

Другой солдат тремя стремительными скачками тут же сблизился с бандитом и поймал на руки его падающее тело, чтобы избежать грохота, неизбежного при падении бронежилета и оружия. Покойный боевик уютно устроился на земле, а сам солдат поднялся и устремился к каменной ограде. Он не забыл захватить с собой лопатку и передал ее хозяину.

Поспешили за солдатами и оба офицера.

– Все спрятались? – спросил командир роты, выглянув из-за того же заборчика.

– Все, – ответил Радужный, устроившийся за спиной старшего лейтенанта. – Егоров! Валяй!

Сразу после этого сверху, словно с неба, был послан гром с молнией, выстрелил гранатомет. Граната прорвала сдвоенный брезент и взорвалась уже за ним. Разлетевшиеся осколки в клочья изрезали как саму палатку, так и людей, находившихся в ней. Никто оттуда больше не вышел.

Меньше всех досталось бандиту, лежащему на земле, уже убитому. Его осколки не тронули, хотя ему самому все это было совершенно безразлично. Малая саперная лопатка бьет как большой, сильный и тяжелый осколок, хотя и летает с меньшей скоростью.

Во второй палатке повисло напряжение, готовое вот-вот взорваться непонятно каким образом. Так всегда бывает, когда человек просыпается от какого-то постороннего звука, но не сразу встает, пытается сначала сообразить, что его вдруг разбудило. Бандиты просто прислушивались или же сразу начали прочищать пальцами уши. Ведь после взрыва гранаты их заложило у всех, и у бандитов, и у солдат спецназа. Ширина ущелья была не настолько велика, чтобы загасить этот грохот. Он устремился как вверх, так и вниз, обрастая гулким эхом. Наверное, то же самое происходило и в третьей палатке.

Тут выстрелил второй гранатомет. Только в этот раз граната разорвалась, не пробив двойной брезент. Что-то помешало ей. То ли между двумя брезентовыми стенами был проложен лист жесткого картона, то ли изнутри что-то висело. Как бы то ни было, однако граната разорвалась снаружи, хотя ее осколки точно так же порвали палатку в клочья.

Одновременно со взрывом из нее успели выскочить трое бандитов. Они надеялись спастись, но сразу попали под фланговый кинжальный огонь спецназовцев. Хотя по большому счету это обстоятельство значения уже не имело, потому что осколками бандиты были поражены в спину.

Из третьей палатки успели выскочить шестеро боевиков, не дожидаясь выстрела из гранатомета, но результат был таким же. Вылетали они оттуда, даже не успев захватить свое оружие, не понимали, что происходит, и сразу попадали под пули, хотя откровенных очередей и не слышали. До них доносилось только лязганье затворов. Глушители свое дело делали очень неплохо.

С резервом бандитов было покончено. Все обстояло бы хорошо, даже отлично, если бы спецназовцам пришлось только стрелять из автоматов. До передовой линии защиты лагеря отсюда было не менее семидесяти метров. Боевики, находившиеся там, вполне могли бы не

услышать звуки стрельбы из автоматов с глушителем и лязганье затворов оружия. Но звуки взрывов гранат туда определенно доносились, да и осколки могли долететь.

Поэтому действовать следовало немедленно.

Старший лейтенант Крушинин сразу дал сигнал ракетой, не слишком надеясь на связь, и тут же проговорил в микрофон:

– Рюрик, ответь! Как слышишь меня?

– Нормально, командир! Слышу даже, что вы начали атаку.

– Отлично. Поднимай своих! Принимайте бандитов. Мы наступаем. Пока находимся за поворотом. Как будем выходить в сектор прострела, я сообщу. Предупреди бойцов.

Командир роты отлично слышал, как старший лейтенант Соколовский приказал всем проявлять внимание, ждать выхода взвода скалолазов из-за поворота, и без всяких сомнений двинулся вперед.

Еще дважды ухнули сверху гранатометы. Но их расчеты уже передвинулись по перевалу в сторону выхода из ущелья и теперь стреляли, похоже, по позициям бандитов, поскольку команды вести огонь по палатке землекопов не последовало. В ней стояла тишина, и оттуда никто не выскакивал.

Казалось бы, все в лагере бандитов было уже решено. Командира разведывательной роты смущало только то обстоятельство, что никто из боевиков, находящихся на передовой линии, не обеспокоился тем, что происходило у него за спиной. Ни один бандит не стрелял оттуда навстречу взводу скалолазов. Старший лейтенант почему-то не верил в добровольную сдачу своих противников в плен. Ведь у них в руках было оружие. Еще совсем недавно они чувствовали себя победителями в этом бою.

– Землекопы! – вдруг вспомнил Ибрагим Владимирович, увидев сбоку от себя лейтенанта Радужного.

Этот офицер никуда не бежал. Он совершенно спокойно шел в сторону командира роты как раз от той самой палатки, к которой были снаружи прислонены лопаты, носилки и другие инструменты. Полог самой палатки был распахнут и наполовину заброшен на крышу.

– Посмотри сам, командир, – проговорил лейтенант, сделал два шага назад и поднял полог палатки полностью.

Крушинин заглянул туда, даже посветил тактическим подствольным фонарем, но сразу выключил его. Зрелище было далеко не из самых приятных. Люди там, в палатке, лежали один на другом, окровавленные, разорванные неразборчивыми пулями. На их лицах застыли гримасы ужаса.

– Кто их перебил? – спросил командир роты.

– Не мы. Мои бойцы к этой палатке даже не подходили, – ответил Радужный.

– Понятно. Вперед! До передовой позиции, – дал команду старший лейтенант, отчего-то уже понимая, что атаковать взводу предстоит пустоту.

Так и оказалось. Позиция была покинута бандитами. Только сразу возникал совершенно естественный вопрос. Куда они могли уйти?

– Рюрик, отзовись! Где бандиты?

– Понятия, командир, не имею. Мы приготовились встретить, остановить прорыв, а их все нет.

– Всем внимание! Стволы кверху! Мы выходим из-за поворота.

Анчар всегда был очень требовательным офицером, знал, что его команда уже выполнена. Он не сомневался в том, что все стволы бойцов роты теперь смотрят строго в небо, и без всяких сомнений первым вышел на открытое место.

Однако сапер взвода скалолазов тут же аккуратно взял его за локоть, остановил и двинулся впереди со своим щупом в руках. Старший лейтенант предполагал, что все наличные

мины бандиты выставили позади лагеря, но на сей раз он ошибся. Оказалось, что сапер был прав.

Скоро впереди раздался металлический звук. Щуп под землей уперся в корпус мины. Сапер вынужден был встать на колени и заняться извлечением взрывателя. Тот был натяжного типа, более опасный, чем нажимные, которыми были оснащены мины, установленные бандитами в противоположной стороне лагеря. При разминировании он требовал повышенной осторожности.

Короче говоря, прояви командир роты офицерскую гордость, дескать, я сам все знаю и понимаю, откажись принимать необходимые меры безопасности, он нарвался бы на мину, поскольку шел без щупа. В этом случае погиб бы и сам старший лейтенант, и люди, идущие следом за ним. Но как только сапер припал к земле, бойцы взвода, которые шли за Ибрагимом Владимировичем, сразу залегли, как того и требовала от них соответствующая инструкция.

Только сам Крушинин остался стоять. Он всматривался в действия сапера, одновременно вел переговоры по связи. Начальника штаба сводного отряда старший лейтенант вызвал точно так же, как в прошлый раз, то есть через дежурного по отрядному узлу связи.

Майор Пороховщиков отозвался сразу, и голос у него был совсем не сонный. Видимо, он еще не лег отдыхать, хотя уже наступила ночь. Но в общежитии старшие офицеры располагались в отдельных комнатах. Они никому не мешали, когда продолжали там работать. Только в нескольких комнатах жили по два человека. Почти все младшие офицеры вообще предпочитали делить казарму со своими солдатами, где им выделялись какие-то закутки.

– Как успехи Анчар? Докладывай, не томи.

– Успехи не великие, товарищ Второй. У нас тут сложилась совершенно непонятная ситуация. Бандиты вместе со своим главарем словно под землю провалились. Мы уничтожили в лагере резерв эмира. Это около двух десятков бойцов. Точнее смогу сообщить только после осмотра палаток. Пока у меня не было времени на то, чтобы туда заглянуть. Нашли палатку с перебитыми землекопами. Я же докладывал вам, что банда водит с собой бригаду спецов по рытью тоннелей. Кто и за что положил их – не знаю. Наши в этих людей точно не стреляли. Сейчас мы перешли передовую линию, идем на соединение с взводом Обухова и основной частью разведроты.

– Так куда же сам эмир-то делся? Да еще и бандиты с ним!..

– Искать будем, я думаю, только после рассвета. Сейчас найти следы трудно.

– Какие-то предположения на этот счет у тебя есть?

– Только одно. Аз-Захари не зря таскал за собой бригаду землекопов. Он заранее подготовил себе несколько путей отхода под землей.

– Но зачем тогда он этих самых землекопов расстрелял? Они же могли ему еще сгодиться.

– Трудно сказать. Скорее всего, эмир опасался, что они укажут нам путь, которым он ушел вместе с остатками отряда. Главари банды опасаются преследования. Другого разумного предположения я лично не вижу.

– Возможно, и так, но было бы разумнее прихватить землекопов с собой, чтобы использовать их в будущем. А теперь слушай меня внимательно, Анчар! У нас вернулись с задания два вертолета – «Ми-8» и «Ночной охотник». Экипажи, конечно, устали и пока отдыхают, но я сейчас отправлю «Ночной охотник» поискать бандитов в округе. Дам летунам с собой шлем и КРУС, чтобы они могли с тобой связь поддерживать. Будь готов. Одновременно отправлю санитарный вертолет, чтобы забрать раненых. Я так понимаю, что у тебя в роте таковых нет. Только те, что из взвода лейтенанта Обухова. Ну так там половина бойцов ранена, а вот убит только один, сам лейтенант. Тело тоже отправляй. Тех солдат, которые не пострадали, ты у себя пока оставь и устраивай роту на ночлег. К утру к тебе на своем вертолете прилетит следственная бригада. На свету и ты осмотришь, проверь, что там, в лагере случилось, сколько бандитов убито. Подготовь рапорты для меня и следственной бригады. Короче говоря, сам знаешь,

как это все делается. А потом уже, учитывая данные вертолетчиков, принимай решение – продолжать поиск банды и эмира аз-Захари или лететь на базу. Решишь после боя возвращаться, никто тебе плохого слова не скажет.

Последнее предложение начальника штаба было фактически приказом на продолжение поиска. Именно так понял ситуацию старший лейтенант Крушинин. Плохого слова про него, может быть, и не скажут, но обязательно подумают.

Майор Пороховщиков был хорошо известен тем, что самые крутые свои распоряжения он обычно отдавал мягким тоном и такими же словами. Требовалось умение читать в них то, что только подразумевалось.

Вопрос с аз-Захари и в самом деле стоял очень серьезно. Попусту гонять боевой вертолет никто не будет. Тем более что экипаж даже отдохнуть не успел. А смены ему в сводном отряде не имеется. Сумеют вертолетчики найти бандитов – хорошо. Не сумеют – вся задача по их поиску будет стоять перед разведротой. Ответственность целиком ляжет на плечи старшего лейтенанта.

Сможет он задачу выполнить или оплошает? Это и покажет, достоин ли Ибрагим Владимирович досрочного представления к званию капитана или нет. А речь об этом в отряде шла уже давно.

Старший лейтенант Крушинин выставил часовых, высказал претензии пленному наемнику-литовцу за исчезновение банды, пообещал ему, что суд учтет его неполную искренность, добавил еще несколько весьма резких слов по этому поводу. Потом он снял шлем и прилег отдохнуть.

Ему показалось, что он едва успел сомкнуть глаза, как уже проснулся от звука вертолетного двигателя. Оказалось, что старший лейтенант проспал практически целую ночь, в начале которой и устроился на отдых. Сказалась усталость после сложного и энергоемкого подъема на перевал. Получилось, что уже наступил рассвет. Восходящее солнце красиво расцветило вершины скал. Его лучи еще не проникли в глубины ущелий, однако это вот-вот должно было произойти.

Старший лейтенант Соколовский не стал будить Крушинина. Он взял на себя командование посадкой вертолета «Ми-8», который привез следственную бригаду, сопровождаемую взводом спецназа Росгвардии, и доложил об этом сразу, как только Анчар надел свой шлем.

– А наш вертолет сюда прилетал? – осведомился командир роты.

– «Ми-28» появлялся, над нами кружил. Экипаж соседние ущелья осматривал, да и вообще всю округу. Наше ущелье до самой границы тепловизором просканировал. При этом сразу включился в нашу систему связи. Ты шлем на ночь снял, потому не слышал. Я с ним поговорил. Вертолетчики никого не обнаружили. Прилетал еще и санитарный. Мы его загрузили. Тебя будить не стали. Я приказ майора Пороховщикова слышал. Остатки взвода Обухова я пока присоединил к своему. Там только двенадцать человек во главе с двумя младшими сержантами, командирами отделений. Парни все опытные, обстрелянные. Только двое срочников, остальные – контрактники.

– Выдели мне отделение своего взвода и сапера. Мы пойдем ущелье осматривать. Теперь поиск на нашей совести. Нам эмир нужен, может быть, даже больше, чем его банда. Без командира она быстро засыплется.

– Найдем и не отпустим! – пообещал Анчару старлей Соколовский, известный своей боевой хваткой, и сразу убежал к своему взводу.

Он должен был выполнить приказание командира роты и сам хотел послать к нему своих лучших поисковиков.

Следственной бригадой руководил подполковник юстиции Нурсултанов. Старшему лейтенанту Крушинину оставалось только удивляться, откуда у представителей следственного комитета берутся такие высокие звания. Они ведь вроде бы в боевых действиях не участвуют.

Тем не менее этого подполковника старший лейтенант помнил еще капитаном, с которым встречался, казалось бы, не так уж и давно, в прошлую командировку. С того дня еще и трех лет не прошло, а капитан уже стал подполковником.

Размышляя об этом, Ибрагим Владимирович нисколько не завидовал таким вот людям. Он хорошо знал, что даже в простой армии офицеры звания получают быстрее, чем в спецназе военной разведки. Даже командующий войсками спецназа носит полковничьи погоны и стоит на такой же должности.

Но командир разведывательной роты ни за что не променял бы свою службу на любую другую, хотел иметь авторитет, соответствующий ее характеру, и прекрасно знал, что тот добывается только делами. Ибрагим Владимирович был представителем кавказских народов только наполовину, по отцу-аварцу, но всегда стремился к лидерству. Это было у него в крови.

Сам он открыто этого даже не ощущал, считал себя просто перфекционистом по натуре. Однако в его душе всегда жило желание быть первым и главным в любом деле, тем более в военном, к которому он чувствовал призвание. Только армейская дисциплина тормозила это желание, не давала Анчару возможности всерьез задумываться о том, за что получают очередные и внеочередные звания люди из следственного комитета.

Поэтому Крушинин наскоро умылся, пожал руки следователям и экспертам, прилетевшим к нему, и сразу приказал лейтенанту Радужному передать пленников под охрану спецназу Росгвардии. Тот должен был обеспечить визитерам возможность первичного допроса по следам, которые гостям, наверное, казались горячими, хотя на самом-то деле с момента захвата пленников прошло уже немало времени. Но не вина, а только беда всех следственных бригад в том, что им положено прибывать на место, когда бой уже окончен, и в ущелье больше не стреляют. Так гласит общевойсковой приказ, а офицеры спецназа приказы командования обычно не обсуждают.

– Латиф Абдулмеджидович!.. – обратился Ибрагим Владимирович к руководителю следственной бригады. – Я с солдатами пробегусь по ущелью. Пока доберемся до места, внизу уже как раз рассветет полностью. Осмотрюсь там при свете, а как вернусь, напишу рапорт.

– Хорошо. Меня или моих парней с собой не возьмете? – поинтересовался подполковник, человек культурный, предпочитающий даже с младшими по званию разговаривать исключительно на «вы».

– Там еще могут быть раненые бандиты с оружием в руках. Да и проходы в минных полях следует маячками обозначить. Вашим людям пока опасно туда соваться. Подождите в лагере. Допросите пленников. Правда, среди них только один желает откровенничать, но и ему полностью верить нельзя. Тем не менее, пока вы проведете допросы, мы вернемся, – пообещал старший лейтенант вполне искренне.

В его намерения не входило желание начать немедленный поиск пропавшей банды. Хотя Ибрагим Владимирович знал свой характер и мог бы предположить, что при встрече с остатками большого отряда он сразу вступил бы в бой, какими бы силами ни располагал сам.

Глава 4

Ибрагим Владимирович пропустил вперед взводного сапера и двинулся к воротам ущелья, рядом с которыми и устраивал на ночлег свою разведроту. За ним шагало отделение первого взвода.

Почти сразу, только миновав две скалы, огораживающие вход, сапер наткнулся на МОН-100. Командиру разведывательной роты оставалось удивляться, как так получилось, что никто из его солдат, сержантов и офицеров, как и бойцов потрепанного взвода лейтенанта Обухова при входе в ущелье и выходе из него не задел растяжку, невидимую зеленую леску, от которой и активировался взрыватель.

Сапер работал так быстро, что старший лейтенант Крушинин даже заподозрил его в отсутствии аккуратности и осторожности. А ведь это совершенно недопустимо. Такой сапер – это потенциальный убийца своих товарищей, да и самого себя, разумеется.

Поэтому Крушинин к саперу присматривался внимательно, но никаких оплошностей и небрежности в его работе так и не заметил. Видимо, этот парень просто был мастером своего дела.

Так часто бывает. Из одних солдат получают отличные снайперы, из других – прекрасные связисты, из третьих – бойцы-рукопашники, а из четвертых – саперы. У кого к чему есть талант. Хотя все солдаты спецназа военной разведки традиционно выделяются твердым характером. Именно он отличает их от военнослужащих других видов войск.

Но воспитать настоящего воина – дело не простое. Для этого самому воспитателю требуется быть бойцом по призванию. Именно таким человеком был старший лейтенант Ибрагим Владимирович Крушинин.

Как только сапер сообщил, что работу закончил и проход свободен, бойцы вместе с командиром роты двинулись дальше. Вскоре они оказались на позиции, где вел бой взвод лейтенанта Обухова. Бойцов этого подразделения в сопровождении командира роты не было, но случайность столкновения с бандой была очевидной.

Взвод лейтенанта Обухова не сумел ни окопаться, ни даже установить какой-то общий бруствер. Солдаты вели бой, просто спрятавшись за естественными укрытиями, но крупных камней, способных стать для них защитой, поблизости, как назло, было очень мало.

Тем не менее лейтенант принял решение запереть банду в ущелье, не выпускать ее оттуда, и запросил в штабе подкрепление. Возможно, он надеялся на появление штурмовых вертолетов, которые были способны в пыль разнести все укрепления бандитов, подготовленные заранее, перемешать их с телами самих этих мерзавцев. Но свободных вертолетов в сводном отряде на тот момент не оставалось, как уже сообщал Крушинину майор Пороховщиков.

Зона действия отряда была велика, охватывала все республики Северного Кавказа. Если наземные части отправлялись в какую-то дальнюю поездку на бронетехнике, то им в помощь обязательно выделялись вертолеты-штурмовики, берущие под свой контроль дороги, чтобы предотвратить нападение из засады. К сожалению, их невозможно было использовать для перевозки личного состава, а обычных транспортных вертолетов в отряде не было, хотя их постоянно обещали прислать и даже создать дополнительную площадку для размещения и обслуживания этих машин.

Штурмовые вертолеты в городке спецназа базировались на плацу, выделенном для них. Он был предусмотрен стандартным проектом военного городка, потому и построен. Но строевой подготовкой сводный отряд никогда не занимался, и асфальтированная площадка была отдана вертолетчикам, которые нанесли на нее собственную разметку.

Командование планировало построить новую площадку для транспортных вертолетов. Благо место под нее найти удалось. Было решено отхватить добрую треть от соседней площадки, спортивной.

Сделать это было необходимо, поскольку в фюзеляже того же «Ночного охотника» «Ми-28Н» могли поместиться от силы два-три бойца, не страдающих клаустрофобией, то есть не боящихся замкнутого пространства, поскольку иллюминаторов бронированный фюзеляж вертолета не имел. Но такие психические заболевания, как клаустрофобия, автоматически исключают возможность службы в спецназе. Однако усиливать какое-то боевое подразделение всего двумя-тремя бойцами не имело особого смысла.

Это пространство в фюзеляже вертолета обычно использовалось для срочной эвакуации раненых, в основном тяжелых. Бойцы с легкими ранениями предпочитали оставаться в строю.

Старший лейтенант Крушинин сразу отметил про себя, что сделал бы сам на месте лейтенанта Обухова. Он приказал бы прямо под огнем противника создать хоть какую-то насыпь из тех же камней, которые валялись вокруг и были усыпаны стреляными гильзами. Это дало бы возможность солдатам прятаться при активизации стрельбы противника, уменьшило бы количество раненых.

Но организовать это лейтенант Обухов не догадался или же не сумел под плотным огнем бандитов. Может, он просто темноты дожидался.

Но и бандиты тоже, видимо, не торопились. Они собирались пойти в атаку в темноте и задавить противника количеством.

Однако при этом должна была бы сыграть свою роль разница в вооружении. Ночные прицелы «Шахин» позволили бы взводу уравнивать шансы противоборствующих сторон. А уж в рукопашном бою спецназовцы сумели бы себя показать с самой лучшей стороны. Они очень доходчиво объяснили бы бандитам, что такое малые саперные лопатки, которые умеют не только копать, но и рубить как топор, и летать как стрела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.